

Доклад сотрудника кафедры Истории России до начала XIX в. к.и.н., старшего преподавателя А.Е. Тарасова "Огненная казнь еретиков в Новгороде 1490 г.: след испанской инквизиции?"

Известно, что средневековая мысль воспринималась и выражалась на языке символов и аллегорий. Окружающий мир представлялся для средневекового человека насыщенным всякого рода знаками, которые раскрывали сущность происходящего, и вера в глубокий смысл символов тогда была безграничной. Символическое сопоставление являлось средством для выражения взаимосвязей между вещами и поступками, любому, даже самому незначительному, событию могло приписываться огромное символическое значение. В изощренной знаковой системе той поры особый смысл имел образ обратной, изнаночной стороны явлений. Наиболее зримо обращение к «перевертышу» проявлялось в смеховой культуре Средневековья. Анализируя данный феномен, М.М. Бахтин писал: «Направление в низ присуще и всем формам народно-праздничного веселья и гротескного реализма. В низ, наизнанку, наоборот, шиворот навыворот – таково движение, проникающее все эти формы». И еще: «Та же логика изнанки и перестановок низа вместо верха проявляется в жестах и телодвижениях: движение задом наперед, сидение на лошади лицом к хвосту, хождение на голове, показывание зада». Подобное нарушение упорядоченности мира получило в отечественной науке определение «антиповедения», а создаваемую в его результате иную символическую и знаковую действительность, лишенную порядка и стремящуюся к хаосу, иногда называют «антимиром». В широком смысле «антимир» – слой культуры, находящийся в противостоянии с культурой «нормативной» и производящий гротескные формы поведения.

Действия, связанные с антиповедением, несли в Средние века большую семантическую нагрузку. Намеренное использование «изнаночных» знаков вряд ли выражало простое высмеивание явлений – русской средневековой культуре не свойственен карнавальная, «дурацкий» тип смеха. Для нее более приемлем иной, более сложный тип – смех на основе гротеска. Скорее можно говорить о том, что антиповедение служило целям всестороннего раскрытия явлений, причем тех из них, которые представлялись неправильными, противоестественными или чуждыми. «Так, например, антиповедение исключительно характерно для ритуала наказаний, и оно имеет здесь именно символические функции – постольку наказания были направлены на публичное осмеяние (бесчестье) и в конечном счете на принудительное или разоблачительное приобщение к “кромешному”, перевернутому миру, который может осмысляться как потусторонний или же как бесовский; в предельном случае наказание воспринимается как символическая смерть», – отмечал Б.А. Успенский.

В 1490 году завершился второй этап борьбы Церкви против ереси жидовствующих, самой известной русской ереси эпохи Средневековья. После соборного осуждения в Москве часть еретиков была отправлена в Новгород Великий, где им было уготовано изощренное наказание, осуществленное по задумке архиепископа Геннадия (Гонзова) и впоследствии подробно описанное Иосифом Волоцким в «Сказании о новоявившейся ереси», которое представляет собой предисловие к знаменитому полемическому творению преподобного «Просветитель». Целесообразно привести данное описание полностью.

«И одни из них [еретиков] посланы были от державного в Великий Новгород к архиепископу Геннадию. А он за 40 поприщ от Новгорода повелел посадить их на коней, в седла вьючные, и одежду их выворотить на изнанку, и спиной повелел обратить их к головам конским, дабы зрели они на запад, во уготованный им огонь; а на головы их повелел возложить шлемы берестяные — острые подобно бесовским, а еловцы у них чтоб были мочальными, а верхушки — соломенные с сеном вперемешку, а клейма на шлемах — с надписью чернилами: "Се, сатанино воинство!" И повелел он водить их по городу и чтоб встречные плевали на них и говорили: "Вот враги Божии и христианства ругатели!" Потом же повелел он сжигать шлемы прямо на головах их. И так поступил добрый тот пастырь, желая устрашить нечестивых и безбожных еретиков. И не только для них, но и для других ужаса и страха исполнено было это зрелище, дабы, на таковых смотря, они вразумились».

Исследователи неоднократно обращались к данному эпизоду в попытке определить происхождение кары. Значительная часть историков отмечала её западноевропейские корни, в той или иной степени восходящие к принципам испанской инквизиции. Например, по мнению В.Я. Петрухина, «используя “подручные материалы” (бересту и т.п.), Геннадий воспроизводил ритуал инквизиции, тем более что и он был направлен против “жидовствующих” – насильственно крещенных евреев, сохранявших тайно иудаизм». Н.П. Попов вовсе считал, что борьба с ересью осуществлялась «опытными руками *inquisitorum haereticae pravitatis*», а образ кары был «подсказан» новгородскому архиепископу непосредственно монахами-доминиканцами. Другие исследователи наоборот склонялись к тому, что владыка Геннадий обратился к русской практике наказания. В частности, Д.С. Лихачев отмечал: «Это было своего рода раздевание еретиков – причисление их к изначному, бесовскому миру. Геннадий в этом случае ничего не изобретал, – он разоблачал еретиков вполне “древнерусским” способом». А.И. Плигузов со ссылкой на известное в средневековой русской книжности Житие Амфилохия Иконийского, содержащее рассказ о наказании аномейского (крайние ариане) епископа Евномия, посаженного задом наперед на верблюда, полагал, что новгородский архиепископ использовал византийскую модель поругания еретиков. Есть мнение и о своеобразном культурном смешении, в котором переплелись западно- и восточно-христианские традиции наказания. Так, А.Д. Седельников писал: «Когда указывают на казнь, устроенную Геннадием (на головах еретиков были надеты и сожжены берестяные шлемы, может быть, подражание испанкой *sozoza*), то упускают из вида оправдывавшие, несомненно, Геннадия византийские в том же духе прецеденты сожжений с предшествующими позорными процедурами. Но под покровительством практики византийского церковного права могли не без успеха и католические эмиссары предлагать то или иное из инквизиционного опыта и обихода».

Какая же из точек зрения точнее характеризует события 1490 года? Для этого необходимо рассмотреть основные составляющие новгородского поругания еретиков.

Встреча еретиков за 40 поприщ до Новгорода. На протяжении Средневековья мера длины, называвшаяся «поприщем», могла означать различные путевые величины, причем установить их точные значения в тот или иной отрезок времени довольно сложно.

Выворачивание одежды. Эти части наказания наиболее зримо свидетельствуют о символическом причислении еретиков к потустороннему миру. Характерно, что славяне представляли подземную сферу исподней стороной надземной сферы, соответственно славянское определение «нижнего мира» – преисподняя. В славяно-русских поверьях, чтобы превратиться в иное, «темное», существо, надо спуститься ночью в подполье и обернуться там вокруг себя через голову; отсюда и название такого колдуна-перевертыша – «оборотень».

Посаждение на лошадей задом наперед. Не менее значима символика катания еретиков по городу в неестественном положении. Как на обширном материале показала О.И. Тогоева, ритуал наказания преступника, посаженного задом наперед на вьючное животное (обычно осла, но также лошадь или верблюда), восходит к античности, проходит через все Средневековье и завешается уже на пороге Новейшего времени. Впервые зафиксированный в древнегреческих источниках, ритуал был заимствован византийской практикой наказаний и уже из Византии распространился по всей Европе. Известны случаи бесчестия подобным способом в германских землях, включая Тевтонский орден, Англии, Испании, Италии, Швеции, Франции, и за пределами Европы – Северной Африке, Персии. Схема ритуала на протяжении столетий оставалась практически неизменной, а применялось это наказание в отношении разного рода предателей: от виновных в супружеской неверности до политических или церковных изменников. Символическое значение ритуала состояло в том, что наказанный терял право считаться полноценным членом общества. Таким образом, перед нами широко распространенный ритуал, знаковость которого не может быть сведена к какой-либо одной культуре.

Берестяные шлемы. Мнения исследователей о влиянии инквизиции на наказание, устроенное Геннадием еретикам, также в значительной степени основываются на упоминании преподобным Иосифом Волоцким головных уборов осужденных жидовствующих. Действительно, известно, что испанская инквизиция могла использовать высокие колпаки (*la coroza*) в качестве отличительного знака еретика. Как и на накидках *sanbenito* на них часто изображались знаки, раскрывающие состав совершённого преступления. В то же время в описании Иосифа Волоцкого есть один крайне важный элемент: преподобный сравнивает берестяные шапки с бесовскими. Что же это за головные уборы, которые должны были всплыть в сознании русских читателей «Просветителя» и свидетелей казни 1490 года?

До XVI века в древнерусском искусстве при изображении бесов господствовал иконографический тип эйдолона – тёмного ангела или крылатой антропоморфной фигуры, – ключевым отличительным признаком которого как демона являлись вздыбленные волосы. Постепенно хохлы на головах бесов начинают усложняться, но кроме того часто заменяются высокими шапками.

Таким образом, поругание, проведённое Геннадием, вполне соответствует явлению средневековой культуры, для которого О. Чумичевой недавно было предложен термин «иконические перформансы». Само название оставляет желать лучшего, однако его определение вполне точно отражает суть феномена. Согласно Чумичевой, данному

явлению соответствуют: не спонтанный, а репрезентативный жест, предполагающий наличие аудитории, публичность; действие, в котором не существует полного разделения и противопоставления «актеров» и «зрителей», что является характерной чертой любой средневековой драмы или «действия»; действие, имеющее четкие политические и/или социальные цели; действие, организованное согласно законам любого представления (целенаправленно избранное место действия, «декорации» - сознательно избранное архитектурное или интерьерное окружение или даже объекты, выстроенные для конкретной акции, продуманный «сценарий» или план действия, рассчитанный на определенных зрителей и участников; действие с ясным религиозно-символическим значением).

Естественно подобные явления должны строиться на легко усваиваемой системе образов. Чужеродные, требующие дополнительных разъяснений символы и знаки не могут быть правильно восприняты аудиторией. Как показал анализ основных сюжетов поругания еретиков 1490 года, данные элементы либо отражают универсальные символические образы своего времени, либо являются чисто русскими.